

К концу дня все помылись горячею водой, в изобилии оставшейся от стирки. Лара выкупала Катеньку. Юрий Андреевич с блаженным чувством чистоты сидел за оконным столом спиной к комнате, в которой Лара, благоухающая, запахнутая в купальный халат, с мокрыми, замотанными **мохнатым полотенцем** в тюрбан волосами, укладывала Катеньку и устраивалась на ночь. Весь уйдя в предвкушение скорой сосредоточенности, Юрий Андреевич воспринимал всё совершавшееся **сквозь пелену разнеженного и всеобобщающего внимания**.

Был час ночи, когда, притворявшаяся до тех пор, будто спит, Лара действительно уснула. Сменённое на ней, на Катеньке и на постели белье сияло, чистое, глаженое, кружевное. Лара и в те годы ухитрялась каким-то образом его крахмалить.

Юрия Андреевича окружала блаженная, полная счастья, сладко дышащая жизнью, тишина. **Свет** лампы **спокойной желтизною** **падал** на белые листы бумаги и **золотистым бликом** **плавал** на поверхности чернил внутри чернильницы. За окном **голубела** зимняя морозная **ночь**. Юрий Андреевич шагнул в соседнюю холодную и неосвещённую комнату, откуда было виднее наружу, и посмотрел в окно. **Свет** полного месяца **стягивал** снежную поляну **осязательной вязкостью яичного белка или клеевых белил**. Роскошь морозной ночи была непередаваема. Мир был на душе у доктора. Он вернулся в светлую, тепло истопленную комнату и принялся за писание.

Разгонистым почерком, заботясь, чтобы **внешность** написанного передавала **живое движение руки** и **не теряла лица**, обездушиваясь и немея, он вспомнил и записал в постепенно улучшающихся, уклоняющихся от прежнего вида редакциях наиболее определившееся и памятное, "Рождественскую звезду", "Зимнюю ночь" и довольно много других стихотворений близкого рода, впоследствии забытых, затерявшихся и потом никем не найденных.

Потом от вещей отстоявшихся и законченных перешёл к когда-то начатым и брошенным, вошёл в их тон и стал набрасывать их продолжение, без малейшей надежды их сейчас дописать. Потом разошёлся, увлёкся и перешёл к новому.

После двух-трёх **легко вылившихся строф** и нескольких, его самого поразивших сравнений, **работа завладела им**, и он испытал приближение того, что называется вдохновением. Соотношение сил, управляющих творчеством, как бы становится на голову. Первенство получает не человек и состояние его души, которому он ищет выражения, а язык, которым он хочет его выразить. **Язык**, родина и вместилище красоты и смысла, сам **начинает думать и говорить** за человека и весь **становится музыкой**, не в отношении внешне слухового звучания, но в отношении стремительности и могущества своего внутреннего течения. Тогда подобно катящейся громаде речного потока, самым движением своим обтачивающей камни дна и ворочающей колеса мельниц, **льющаяся речь** сама, силой своих законов создаёт по пути,

мимоходом, размер и рифму, и тысячи других форм и образований ещё более важных, но до сих пор не узанных, неучтённых, неназанных.

В такие минуты Юрий Андреевич чувствовал, что главную работу совершает не он сам, но то, что выше его, что находится над ним и управляет им, а именно: состояние мировой мысли и поэзии, и то, что ей предназначено в будущем, следующий по порядку шаг, который предстоит ей сделать в её историческом развитии. И он чувствовал себя только поводом и опорной точкой, чтобы она пришла в это движение.

Он избавлялся от упрёков самому себе, недовольство собою, чувство собственного ничтожества на время оставляло его. Он оглядывался, он озирался кругом.

Он видел головы спящих Лары и Катеньки на белоснежных подушках. Чистота белья, чистота комнат, чистота их очертаний, сливаясь с чистотою ночи, снега, звёзд и месяца в одну равнозначительную, сквозь сердце доктора пропущенную волну, заставляла его ликовать и плакать от чувства торжествующей чистоты существования.

- метафоры
- олицетворения
- анафора
- лексические повторы